

Живой камень Севера

Кандидат биологических наук
Н.В. Вехов

На протяжении сотен лет у нас в России, у самых берегов Северного Ледовитого океана, добывали настоящий жемчуг, и притом превосходящий по качеству жемчужины, которые привозили из тропических широт. Мне не раз приходилось бывать в экспедициях на Кольском полуострове, в Северной Карелии и на берегах Белого моря, где в старину находились главные центры добычи русского жемчуга. К сожалению, прошедшее время тут уместно, а с будущим пока непонятно.

Пресноводный жемчуг

Первые сведения о северном жемчуге на Руси датируются IX–X веками. Их принесли в столицу Новгородской республики княжеские дружинники, двинувшиеся на север — в Заонежье и на Северную Двину — для сбора пушнины и приведения под высокую княжескую руку новых земель, богатых «мягким золотом». Проникнув в Лапландию, на Кольский полуостров, и узнав от лопарей (саамов) о речном жемчуге, русские начали ходить в северные походы уже за ним.

Пресноводный жемчуг (он же речной, русский, северный; реже гиперборейский) — результат жизнедеятельности некогда широко распространенного в европейских реках двустворчатого моллюска — пресноводной жемчужницы *Margaritana margaritifera* (*Margaritifera margaritifera*). Есть и другие пресноводные жемчугоносные моллюски, например представители рода *Dahurinaia*, обитающие на Дальнем Востоке, но наша героиня — маргаритана.

Центром жемчужины может стать попавшая под мантию животного песчинка, обломок раковины или другой кусочек органического вещества, даже личинка паразитического организма или пузырек воздуха. Жемчужница любит чистую проточную воду, тем не менее было подмечено, что в реках возле брода или там, где купают лошадей, вылавливают больше жемчуга. Иностранное тело проникает в толщу мантии вместе с покровными клетками (клетками эпителия), способными синтезировать перламутр. Ткани моллюска обволакивают его, образуя так называемый жемчужный мешок. Вокруг инородного включения нарастает слой органического вещества, затем регулярно расположенные кристаллы карбоната кальция CaCO_3 : внутренний слой образован призматическими кристаллами, а внешний, собственно перламутровый, — тонкими пластинками, параллельными поверхности жемчужины и скрепленными о

Зинаида Юсупова в наряде, расшитом жемчугом, на костюмированном балу 1903 года

органическим веществом — конхиолином. Дифракция и интерференция света на этих полупрозрачных пластинках микронной толщины создают блеск и цветовые переливы, за которые ценятся жемчуг и перламутр.

Кстати, старинное слово «перл» заимствовано, скорее всего, из французского (perle, жемчужина), а оно в свою очередь происходит от латинского *pirula* — маленькая груша, видимо, из-за грушевидной формы некоторых жемчужин. Этимология слова «перламутр» очевидна: немецкое *Perlemutter*, *Perlenmutter* — буквально «мать перлов». Ну а «жемчуг» пришел в русский язык через тюркские и происходит от китайского «чжэнь чжу».

На качество и размер жемчужины влияют время «созревания» и химический состав воды. Неудивительно, что морской и речной жемчуг различаются между собой. Пресноводные жемчужины матовые и мелкие, тускловатые; морские крупнее, ярче и переливаются на свету. Однако по разнообразию оттенков морской жемчуг не идет ни в какое сравнение с пресноводным. Диапазон цветов пресноводных жемчужин — от кремового до сиренево-лилового и коричневого, изредка встречаются синеватые и зеленоватые оттенки. Цвет конхиолина — от светло-желтого до темно-коричневого — делает окраску жемчуга более теплой. Любопытно, что в Карелии жемчуг в основном был серебристо-белого

или голубоватого оттенка, а в Ланландии — розового цвета, а зачастую почти черного с синевато-стальным отливом. Не бывает лишь совершенно черных и ярко-розовых пресноводных жемчужин.

Морской жемчуг проигрывает и по толщине перламутрового (пластинчатого) слоя — всего 0,5–0,6 мм, а под ним — призматические, не «играющие» слои карбоната кальция. Речная жемчужина может полностью, за исключением ядра, состоять из перламутра.

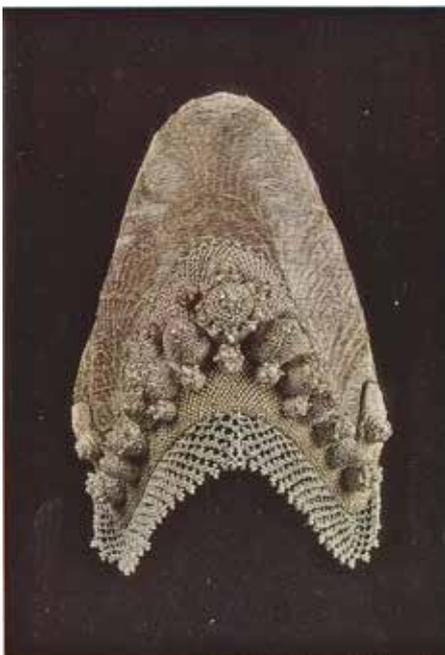
И еще одно отличие. При всей красоте морских жемчужин век их недолог. Со временем они блекнут, трескаются, теряют чешуйки перламутра, когда разрушается органическое связующее. Северный жемчуг тоже не вечен, однако сохраняет яркость и цвет на протяжении многих столетий. Корона Святого Вацлава — ценнейшая королевская регалия Чехии, изготовленная по приказу короля Карла IV в 1346 году и посвященная

ВЕЩИ И ВЕЩЕСТВА

главному святому патрону страны, — украшена речным и морским жемчугом. При обследовании драгоценностей короны в 1943 году выяснилось, что четыре крупные морские жемчужины, укрепленные на лилиях, потеряли свой блеск, тогда как более мелкий речной жемчуг почти не изменился.

Лучший русский жемчуг назывался «скатным», то есть круглым, скатывающимся. Это правильный сферический

Жемчуг на Руси добывали крестьяне, и простая девушка на своей свадьбе могла быть царевной в драгоценном уборе. Слева — однорогий кокошник XIX в. в краеведческом музее города Торопца Тверской области. Справа — картина А.Г. Клюквина «Женщина в торопецком жемчужном кокошнике и платке»

жемчуг с толстым перламутровым слоем белого или серебристого цвета, который «на блюдечке не стоит на месте» — чем дольше катился, тем выше была его стоимость. Жемчужины неправильной формы называли «рогатыми» или «угольчатыми».

По красоте русский жемчуг не уступал иноземному. Хитрые скупщики, как могли, занижали цену при покупке жемчужин у ловцов, но лучшие экземпляры позже продавали за баснословные деньги. А чтобы набить цену, выдавали русский жемчуг за добытый в тропических широтах. Вот что по этому поводу писал А. Хребтов, автор исследования «Положение жемчужной промышленности в России» (СПб, 1897): «Русский жемчуг вообще и в особенности добываемый в Кемском уезде очень хорош по цвету, блеску и форме. Лучшие его экземпляры прежде всего уходят при посредстве скупщиков за границу, а оттуда жемчуг привозится к нам под названием ориентального» (то есть восточного — так называли жемчуг из Персидского залива). Бизнес есть бизнес: за век с лишним мало что изменилось.

Рыбы и реки

Как показал И.Ю. Попов из Санкт-Петербургского государственного университета, жемчужница предпочитает реки, вытекающие из озер, а не болот или родников (хотя это правило не абсолютно, например, жемчужноносная река Варзуга берет начало в болотистой местности центральной части Кольского полуострова); не любит жесткую воду, хотя некоторое повышение жесткости может выдержать; крайне редко соседствует с другими видами двустворчатых. И есть у матери жемчуга еще одно непростое требование к условиям проживания.

Еще в старину поморы заметили, что существует связь между пресноводной жемчужницей и обитающей в северных реках семгой. Об этом писал известный публицист Сергей Максимов в книге «Год на Севере» (1859): «Замечают поморы, жемчуг водится во всех реках, куда любит в избытке заходить семга, и что между этой породой рыб и слизняком (слизняк — простонародное название моллюска, улитки. — Примеч. авт.) существует какая-то темная, загадочная, труднообъяснимая симпатия».

Позже ученые установили, что эта «симпатия» — не что иное, как симбиоз, форма тесных взаимоотношений между организмами разных видов, при которой хотя бы один из них получает для себя пользу. В данном случае выгоду получала жемчужница: семга разно-

Ловец жемчуга со своими орудиями — палкой с расщепом на одном конце для доставания раковин и берестяной трубой, чтобы смотреть в воду. Гравюра В.Полякова (К.К. Случевский. По Северо-Западу России. Т. 1. По северу России. СПб. 1897)

сила по водотокам личинок моллюска (их называют глохидиями), которые на ранней стадии развития прикреплялись к жабрам семги, затем покидали гостеприимного хозяина и таким образом расселялись в природе.

Много столетий пресноводные жемчужницы обитали в реках и ручьях Западной Европы, Балтии, Белоруссии, России, а также в реках атлантического побережья северо-восточной части США, восточного побережья Канады. В России еще сравнительно недавно их ареал был очень обширным. Помимо Севера (Архангельской и Олонецкой губерний, куда входили главные жемчужиноносные реки Кольского полуострова и Карелии), жемчужными промыслами славилась некоторые реки в средней полосе — в Петербургской, Выборгской, Новгородской, Псковской, Ярославской, Вятской, Казанской, Нижегородской, Симбирской, Пермской, Вольнской губерниях.

На Руси было известно более 150 жемчужиноносных рек, и жемчужные промыслы были необыкновенно богатыми. «Есть губернии, как, например, Нижегородская, в которых каждая крестьянка носит на шее, на головном уборе от 200 до 300, а иногда и до тысячи настоящих жемчужин», — писал прусский чиновник и экономист Август фон Гакстаузен, путешествовавший по России в 40-х годах XIX столетия, автор двухтомника «Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России».

Популяции жемчужницы сохранялись во многих российских реках дольше, чем в Западной Европе, и все же воздействие человека на большей части ареала вида подорвало их чис-

Раковины пресноводной жемчужницы в музее Санкт-Петербургского университета. Видна жемчужина, приросшая к перламутровому слою раковины (в середине левого столбца). Перламутр шел на изготовление пуговиц, а из целой раковины умелец мог сделать шапку

Колония пресноводных жемчужниц и раскрытая раковина

ленность. Причиной была не только неумеренная добыча жемчуга, но и лесосплав, загрязняющий речное дно обломками древесины, гидростроительство, падение численности лососевых рыб.

Александр Махров из Института проблем экологии и эволюции имени А.Н. Северцова РАН, Илья Вихрев из Федерального исследовательского центра комплексного изучения Арктики УрО РАН и их коллеги много лет изучают современное состояние популяций пресноводной жемчужницы на территории России. В их работах можно найти печальную статистику. Из 19 беломорских рек Северной Карелии, о которых известно, что в них водилась жемчужница или добывали жемчуг, сейчас жемчужницу обнаружили в девяти,

в том числе в Ковде, Пулоньге, Керети, Гридине, Воньге, Поньгоме и Каменной. Не все реки еще обследованы, но во многих обследованных живых моллюсков найти не удалось. Нет больше жемчужницы в Кеми, три популяции остались лишь в ее притоках — а когда-то кемский промысел был так знаменит, что жемчужный венчик в голубом поле украсил герб города Кемь. Аналогичные результаты для рек бассейна Онежского озера на юго-востоке Карелии: из 14 жемчугоносных рек только в двух нашли популяции жемчужницы; многие реки еще не обследованы, но надежды мало. Признаки обитания жемчужницы были найдены в одной из четырех рек, впадающих в Ладожское озеро. Реки бассейна Белого моря в Архангельской области — пять из 15; достоверно известны местообитания жемчужницы в реке Коже, притоке Онеги, Солзе и ее притоке Казанке, а также на Онежском полуострове, на территории национального парка «Онежское Поморье». Список можно продолжать, но пока вернемся в старые добрые времена.

Лов жемчуга

В старину самым удачным периодом для промысла или, как его еще называли, лова жемчуга считалось время после созревания ржи, когда вода была самой теплой, а уровень ее в реках — минимальным. Вот что пишет о добытках жемчуга уже упоминавшийся публицист С.В. Максимов: «В порожистой, быстрой и местами чрезвычайно мелкой реке Кеми попадают

ВЕЩИ И ВЕЩЕСТВА

жемчужные раковины, хотя лов их и не составляет исключительного занятия всех жителей, но даже и одного какого-нибудь семейства. Жемчуг этот ловят от безделья досужие люди и не всегда для продажи, потому что здешний жемчуг невысокой доброты и попадает в реке в незначительном количестве. Иногда целый день терпеливые люди роются в воде и достают много горсть, чаще три-четыре зернышка. Ловля эта обыкновенно производится следующим простым способом. Искатели садятся на бревенчатый плот небольшой, с отверстием в середине, заставленным трубой. Большая часть трубы этой находится в воде. Один, по берегу, тянет плотик, другой смотрит через трубу в воду. Заметив подле камня раковину, имеющую сходство с жемчужною (обыкновенно, при ясной солнечной погоде, когда животное открывает раковину), наблюдатель опускает через трубу длинный шест с щипчиками или крючком на одном конце его. Раковина смыкается, и тогда ее удобно бывает принять на щипчики. Разломивши раковину, счастливцев, нашедший зернышко, обязан немедленно положить его за щеку для той цели, чтобы это зернышко — отложение болезненного процесса улитки (как объясняют обыкновенно зарождение жемчуга) — через прикосновение со слюной, делалось из мягкого постепенно твердым, до состояния настоящего жемчуга (обыкновенно через 6 часов, как замечают). <...> Ловится жемчуг и в других поморских реках, кроме Кеми, как, например, в Жемчужной губе, около Княжьей губы, около Колы. Но и кемляне, как и все остальные поморы, не дают этой отрасли промыслов особенной доли участия и внимания, кладя всю жизнь, находя всю цель исключительно в рыбных и звериных промыслах, в судостроении и торговле».

В мелких реках обходились без плота: ловец шел по дну реки, ощупывая дно ногой в поисках раковин; найденные выбрасывал на берег или клал в подвешенный у пояса мешок. Такой способ лова позволял заниматься промыслом даже подросткам. Жемчужины в ра-

ковинах встречались редко, одна на много сотен, так что многие моллюски погибали понапрасну.

«Трудно сосчитать жемчуг...»

Когда-то Россия вместе с Индией была главным поставщиком жемчуга в европейские страны: Индия поставляла морской жемчуг, а Россия — пресноводный. До конца XIX века Россия занимала второе место в мире, после Индии, по экспорту жемчуга.

За жемчугом ходили почти как за рыбой, артелями. В карельских озерах и реках, лежащих между Белым и Балтийским морями, местные крестьяне: саамы (лопари), карелы и поморы, жители Вологодской и Архангельской губерний — добывали практически треть всего российского жемчуга. Известно, сколько составлял заработок добытчика за сезон — от 50 до 200 рублей, очень редко — 500. Много это или мало? В ценах XIX века, например, на сотню рублей было куплено одну или две коровы.

Среди ловцов жемчуга известны «чемпионы», добывшие особенно крупные и очень красивые жемчужины. В Национальном архиве Республики Карелия хранится документ 1868 года, согласно которому двум крестьянам деревни Раккович Олонецкой губернии Григорию Матвееву и Герману Дмитриеву милостью государя было пожаловано по 200 рублей. Им удалось добыть две крупные и красивые жемчужины, которые в Петербурге вызвали удивление у самого Александра II.

Почти весь добытый жемчуг крестьяне продавали на ярмарках либо сбывали перекупщикам. Во второй половине XIX века скупщики отвозили его на Шуньгскую ярмарку в Петербург либо в Финляндию. Часть жемчуга продавалась на Петровской ярмарке в Петрозаводске (она проводилась 29 июня по старому стилю).

Сколько собирали жемчуга, сказать никто не мог ни в старину, ни сейчас. Статистики не существовало, а учитывая, какие деньги иной раз выручали и сборщики, и скупщики, естественно, подобные сведения старались утаить. О размахе промысла можно судить только по косвенным данным. За столетия на Руси скопилось огромное количество жемчуга. Барон Август фон Гакстгаузен писал: «Трудно сосчитать жемчуг на образах и утвари у Троицы, легче было бы мерить его четвериками. На образах Богородицы и святых обыкновенно писаны только лики и руки, самое же платье покрыто золотой

ризой. Наиболее уважаемые образа вместо риз покрыты сплошь жемчугом и драгоценными камнями. Быть может, в одной Троицкой лавре жемчугу больше, чем во всей остальной Европе».

Много жемчуга уходило за границу. Еще в правление Федора Иоанновича (вторая половина XVI века), согласно официальным документам, Русь поставляла на экспорт «жемчуг новгородский» из Двинской и Новгородской земель.

Жители Севера платили жемчугом церковные подати, и церковное жемчужное шитье стало особым видом искусства. Жемчугом украшали церковные принадлежности, одежды духовных лиц. В патриаршем дворце в Кремле выставлены саккосы (богослужбное облачение, длинные, до пят, одежды из богатой ткани) московских митрополитов и патриархов, расшитые жемчугом. Любовь к жемчугу сохранилась у церкви и до наших дней.

В «Олонецких губернских ведомостях» за 1850 год приводится описание монастырского имущества — «список с писцовой книги» XVII века. Казавшийся бесконечным список печатался из номера в номер, перечислялись оклады икон, ризы, оплечья — и все это унижено жемчугом. Вот, например, № 16 от 20 апреля. «Образ Пречистые Богородицы Владимирские, обложен золотом, венец и коруна золотая ж резная, навожена чернью, а в венце и в коруне девять камней лазоревых яхонтов, да в той же коруне камешок алмаз, да четыре жемчужины скатных средние. Да у тово же образа прикладу: цата золотая резная, навожена чернью, а на цате яхонт лазорев в гнездах, ожерелье жемчужное, да и рясы жемчужные на четырех нитях, жемчуг скатной большой и средний (цата — фигурный металлический элемент на груди святого, изображенного на иконе, в виде воротника или гривны; рясы — нитки жемчуга. — *Примеч. автора.*). А назаде у тово образа подписано, что поставил тот образ Малюта Скуратов».

В 1328 году Иван Калита в духовной грамоте (завещании) отказывает сыну, Ивану Красному, «пояс с большой, с жемчугом, с камнями». А тот, в свою очередь, передает «пояс великий золот с камнем, с жемчуги, что мне благословил отец мой князь великий», своему сыну, Дмитрию Донскому. В 1488 году великий князь Иван III поднес венгерскому королю Матиашу затейливый подарок: «соль черный, ноготочки у него золотом окованы с жемчугом. 20 жемчужов новгородских на всех ногах, а жемчуг не малый, и хороши, и чисты». Мантия Ивана Грозного была сплошь усыпана

алмазами, рубинами, изумрудами и другими драгоценными камнями, в том числе жемчужинами.

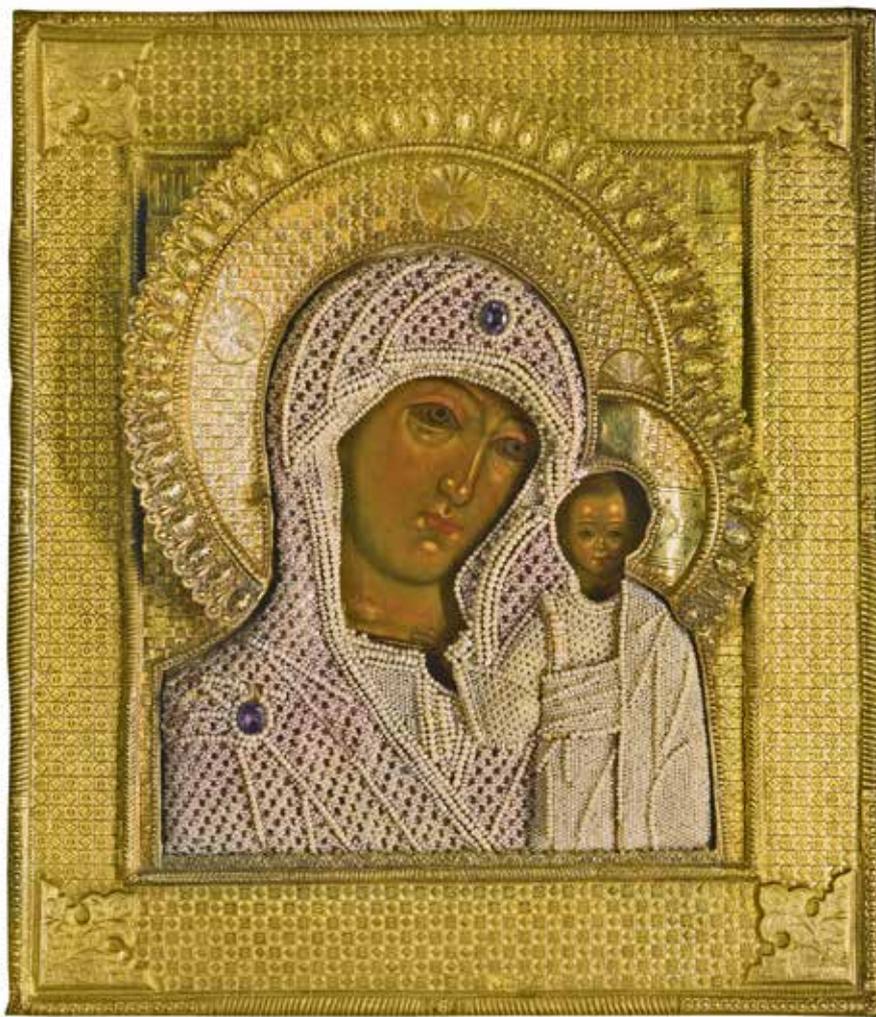
Законы о кожуриной черепахе

Еще в XV–XVI веках на север Карелии и в саамскую тундру Лапландии отправлялись данщики, которые в качестве налога брали с крестьян жемчуг. В переписи середины XVI века сказано, что каждая десятая лучшая жемчужина должна идти в казну царя.

В 1734 году, в правление Анны Иоанновны, купцы и крестьяне Олонецкого уезда обратились с просьбой разрешить им промышлять жемчуг в реках. Дело в том, что с 1721 года этот промысел перешел в собственность казны. Согласно указу Петра Первого, для ловли жемчуга командировались специально назначенные дворяне. Им вменялось в обязанность нанимать «охотников», то есть добровольцев; если же добровольцев не было, то указ повелевал «брать в кабалу людишек по усмотрению».

В указе Сената, изданном в ответ на просьбу, отмечается провал идеи госмонополии на жемчуг, «которого жемчугу с того 1721 года по 1731 год в присылке самое малое число, и против того, что издержано на то денег, с убытком, а определенные к тому дворяне тем только отбывают от других дел». В то десятилетие в государственную казну поступило всего 4936 жемчужин.

Сенат решил поощрить частную инициативу: «Олонецкого уезда, Шуйского погоста, государственные крестьяне и купецкие люди Кижского погоста били челом, что при море Океане и в Олонецком уезде, об Онего озера в реках Сумской, Онеге, Сорочкой, Шуйке, Кемской, Куземе, Умбе, Варзуге, Ковде, Керещкой, Поное, Порье Губе, Ниве, Кольских реках, Печенге, Повенецкой, Челмужской (Неминой. — *Примеч. автора.*), Рагне, Вытегорской и в других, которые между теми, и в ручьях, впадших в те реки, имеется кожуриная черепаха, в которой есть драгий и протчий жемчуг, а промысла нет, а они в оных речках жемчуг промышлять желают, и что могут сыскать, то будут объявлять Ея Императорскому Величеству, токмо б им от обретающихся в тех местах воевод, офицеров, прикащиков и старост и обывателей запрещенно не было». Сенат приказал разрешить добывать жемчуг в перечисленных реках и озерах, «в чьих бы оные дацах не были, за хороший жемчуг выдавать награждение». Позднее добытчикам жемчуга дали и другие льготы. После этого промысел и обработка жемчуга в Олонецкой гу-

Икона Божией Матери Казанская в серебряном окладе с жемчугом. 1832 г. Частная коллекция

бернии стали таким же массовым явлением, как и многочисленные кустарные промыслы.

При Николае Первом ловлю жемчуга регламентировали Уставы о городском и сельском хозяйстве «Свода законов Российской Империи» издания 1857 года с отсылками к более ранним законам, до петровских включительно. Так, именно при Петре Первом появилось жесткое ограничение на сезон лова, «с половины июля до половины августа», сохранилось оно и в XIX веке. Лов жемчуга предоставлялся «в невозбранное для всех пользование», за исключением водоемов в частном владении, где требовалось разрешение хозяина.

Некоторые пункты этого Устава кажутся странными: «При ловле жемчужных раковин должно различать самцов от самок: раковины первых бывают тверже и шероховатее, а последних глаже и мягче. Раковины самцов надлежит не взламывая, опускать осторожно назад в воду, ибо в оных жемчуга никогда не содержится. Равным образом промышленникам предписывается опускать в воду и раковины самок, по вынутии из оных жемчуга».

Идея о том, что жемчуг производят только самки, тоже заимствована из документа XVIII века. Посоветоваться с зоологами николаевским юристам в головы не пришло: вряд ли кто-то из них хоть раз держал в руках жемчужницу, но когда такие мелочи мешали законотворчеству? На самом деле жемчугоносного моллюска иногда удается отличить от того, в котором жемчуга нет, по характерным неправильностям формы створок. В любом случае повеление беречь популяции жемчужниц было разумным. Далее читаем: «Промышленники должны оставлять в реках некоторые места, не вынимая из оных раковин, дабы сии последние вовсе не переводились».

По поводу сбыта жемчуга законы мало изменились за век: «Если кому удастся сыскать жемчуг самый чистый и крупный, величиной не меньше воробьиного яйца, то тот обязан объявить оный местному начальству и ожидать дальнейшего разрешения. Прочий же жемчуг дозволяется ловцам беспрепятственно употреблять в продажу». С другой стороны, у начальства было немало возможностей контролировать, что именно делает ловец с найденным жемчугом.

О том, насколько успешным был промысел, отчасти можно судить по экспорту. В 1860 году вывоз жемчуга за границу составил без малого 182 тысячи рублей золотом (в ценах нашего времени это миллиард рублей или чуть больше), в 1870 году он оценивается всего в 1505 рублей: возможно, в период реформ Александра II было не до жемчуга. Однако в начале XX века вновь отмечается подъем: в 1912 году, уже на спаде жемчужного промысла, экспорт составил 300 тысяч рублей золотом.

«Жемчуг на каждой крестьянке...»

Особенно популярен был речной жемчуг у населения Русского Севера (Архангельской, Олонецкой, Вологодской и Костромской губерний) — у поморов, карелов, саамов. Жемчугом густо расшивали платья, кафтаны, ожерелья-воротники, пояса, шапки, рукавицы и даже обувь. Народное жемчужное шитье — это прежде всего женские и девичьи головные уборы, подчелки, повязки, кики (кички), венцы, кокошники, коруны. Кокошник не только расшивали жемчугом, но и делали из жемчужных нитей сетку или бахрому на лбу, так называемую поднизь, и длинные боковые подвески — рясны. Цена жемчужного кокошника в конце XIX века могла достигать нескольких сотен рублей и даже тысячи!

Иностранцы, оказавшиеся в северо-западных оконечностях России, удивлялись роскоши костюмов местных обитательниц. Даже самые бедные рыбаки носили на шее по несколько ниток жемчуга. Особенно богато украшали жемчугом одежду женщины Поморского берега (побережья Белого моря между Кемью и Онегой), что отразилось даже в названии одного из концов села Сумской Посад — Жемчужный ряд. Олонецкие ведомости писали: «Жемчуг на каждой крестьянке, а на моднице или невесте в обилии. Так что у иной петербургской модницы недостает» (Сребродольский Б.И. Жемчуг. М.: Наука, 1985). «...Богатые разодеты в красные парчовые и штофные сарафаны, перехваченные у талии поясом

из лент, и тонкие сорочки с польскими (коротенькими) рукавами. На шее у них пестрые платки, которые не закрывают жемчужных ожерельев; в ушах большие жемчужные серьги; на голове — поднизь, т. е. сетка из лошадиного волоса, изнасаженного жемчугом, которая как кружево обрамляет лоб и спускается к ушам» (Рыбников П.Н. Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. Петрозаводск, 1991. Т. 3).

Другой внимательный наблюдатель сообщал об улицах Петрозаводска в дни ярмарки: «Обыкновенно гулянье совершается такую массую народа, что названные местности в это время потянутся и с Невским проспектом и с Кузнечким мостом в часы роменад'а. Женщины и девушки привозят с собой все свои лучшие наряды, среди которых на первом плане стоит жемчужный кокошник, такие же серьги, затем масса бус, лент, сарафаны, подчас отделанные позументом» («Олонецкие губернские ведомости», 1887, № 51). Однако, сокращается корреспонденция, многие женщины и девушки уже отказываются от сарафанов и кокошников ради «городских безобразно сшитых костюмов».

Любил жемчуга дом Романовых: не могли ведь русские императрицы, великие княжны и их придворные одеваться беднее олонецких крестьянок. На многих женских парадных портретах от XVIII века до начала XX мы видим жемчужные подвески, ожерелья, нити жемчуга, короткие или очень длинные, смотря по моде. Жемчуг прекрасно дополнял европейские туалеты, однако со времен Екатерины Второй при дворе входит в моду и русский национальный костюм, часто с кокошником. Николай I, большой любитель порядка и регламента, в 1834 году объявил «платье на русский манер» (правда, с корсетом и декольте) обязательным при дворе; в качестве головного убора к нему полагался кокошник либо сходная с ним по форме диадема. Сами императрицы носили украшения, в формах которых угадывался тот же кокошник или девичий венец, и, конечно, на этих украшениях был жемчуг.

В историю костюма и моды вошел бал-маскарад в Зимнем дворце 1903 года, посвященный эпохе царя Алексея Михайловича. Несколько костюмов с этого бала видел каждый наш соотечественник: в них наряжены короли, дамы и валеты на игральных картах «Русский стиль», и эта колода популярна до сих пор. Почти так же широко известна фотография, на которой запечатлена княгиня Зинаида Юсупова, одна из первых красавиц своего времени, блиставшая на этом балу; ее кокошник богато украшен жемчугом.

Русский жемчуг и современность

Не одно столетие промысел жемчуга был по-настоящему хищническим. Пресноводных жемчужниц вылавливали в огромных количествах. Нередко после сезона добычи все берега рек в районах промыслов были завалены разломанными раковинами. Меньше становилось моллюсков, меньше было и жемчуга.

В 1923 году в Карелии была разработана программа сохранения промысла (безуспешная, как показало дальнейшее). Еще через два года на учет взяли все жемчугоносные реки и ручьи. В Центральном Госархиве КАССР хранятся связанные с этим документы. Вот, например, запрос Совнархоза КАССР от 29 апреля 1925 года Кемскому, Полюнецкому и Олонецкому уездным

Корсет и шитый жемчугом кокошник — нетривиальное сочетание, но такова была воля императора. Пимен Орлов, «Портрет неизвестной в придворном русском платье» (около 1835 г.)

исполкомам: «Ввиду проектируемого обследования и изучения жемчужного промысла для принятия мер к его возрождению Кустпромсекция КСНХ просит сообщить в возможно кратчайшие сроки, в каких реках занимаются добычей жемчуга, с указанием ближайших деревень и числа лиц, занимающихся этим промыслом, а также причин, по которым промысел заброшен (иссякание жемчужниц, отсутствие орудий лова и т. д.)».

На основании полученных данных некоторое время спустя на реке Кереть была организована артель жемчуголовов, которую возглавил Василий

Река Кемь на севере Карелии, некогда знаменитое место жемчужного промысла. В XIX веке ловцы в ней жемчужниц не нашли

Николаевич Келеваев, представитель известной карельской династии ловцов. Артель добыла 70 тысяч ракушек для пуговичной промышленности и несколько тысяч ювелирных жемчужин. Но затем и эта инициатива сошла на нет.

Попытку воссоздать жемчужный промысел на Русском Севере предпринял и архангельский краевед И.В. Гуттуев. В 1929–1931 годах местный Кустпромсовет организовал экспедиции с его участием на реку Казанку (приток Солзы), чтобы поместить мелкие камешки и песчинки в раковины жемчужниц. В 1936 году повторная экспедиция Архпроизводсоюза должна была вынуть жемчужины из помеченных раковин и посадить инородные тела в следующую партию. Однако, когда раковины вскрыли, оказалось, что жемчужины приросли к створке изнутри: качественного жемчуга получить не удалось.

Создается впечатление, что жемчужный промысел канул в Лету вместе с царской Россией. У Советской России были совсем иные заботы. После 1917 года началось развитие северных регионов: интенсификация лесозаготовительной отрасли промышленности и вылова речной рыбы, затем великие перестройки водных систем, наподобие Беломорканала, запуск промышленных

предприятий... Все это, вместе взятое, убивало жемчугоносные реки. Сыграл свою роль и перелов семги, пользовавшейся большим спросом и на внутреннем, и на внешнем рынке.

Уже в первой половине XX века жемчужницы начали исчезать из рек, а в конце XX — начале XXI века ученые заговорили об их быстром вымирании. Пресноводная жемчужница оказалась в Красных книгах — Международного союза охраны природы и природных ресурсов (МСОП), России, Мурманской и Архангельской областей и Республики Карелии со статусом «вид, находящийся под угрозой исчезновения». Иначе говоря, как вид, которому без действенных мер охраны грозит уничтожение.

Какие это могут быть меры? Пока еще сохранились популяции, из которых можно брать особей для заселения рек, пригодных к обитанию моллюсков. Необходимы более детальные исследования рек, чтобы выяснить, где еще остались жемчужницы и где они могли бы жить. Важно понять ситуацию с популяциями лососевых рыб, а при изучении этих рыб неплохо интересоваться состоянием их жабр: где есть глохидии, там может быть жемчуг. Необходимы очевидные, но не всегда популярные у хозяйственников меры: создание особо охраняемых природных территорий, ограничение туризма, поддержка чистоты речных берегов. Делу может помочь искусственное разведение

жемчужницы. И, как ни удивительно, искусственное разведение рыбы.

Это показал Илья Вихрев в своей кандидатской диссертации: размножению жемчужниц, согласно его с коллегами данным, способствует Солзенский рыбобоводный завод. (Солза — как раз одна из тех рек в Архангельской области, где сохранились жемчужницы.) В проточные бассейны с молодь семги на этом рыбозаводе поступает вода из реки, поэтому рыбы заражаются глохидиями жемчужницы. Ниже водосброса завода в реке становится больше моллюсков, в том числе молодых. «Солзенский рыбобоводный завод являет собой едва ли не единственный пример деятельности, направленной на поддержание и восстановление численности жемчужницы в Архангельской области», — пишет исследователь.

Пример, хоть и единственный, внушает оптимизм. Стало быть, можно совместить задачи народного хозяйства с охраной природы и традиций. Печально, если в новом тысячелетии «скатный жемчуг» останется только в книгах и народных песнях.